

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ЕВАНГЕЛЬСКИЙ ТЕКСТ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
XVIII–XX ВЕКОВ**

ЦИТАТА, РЕМИНИСЦЕНЦИЯ,
МОТИВ, СЮЖЕТ, ЖАНР

*Сборник научных трудов
Выпуск 3*

ПЕТРОЗАВОДСК

2001

<i>Лепяхин В.</i> Икона в жизни и творчестве Гоголя. “Тарас Бульба”, “Страшная месть”, “Вий”, “Ночь перед Рождеством”	198
<i>Виноградов И. А.</i> “Я брат твой”. О повести Н. В. Гоголя “Шинель”	214
<i>Воропаев В. А.</i> Малоизвестная часть творческого наследия Н. В. Гоголя: выписки из творений святых отцов и богослужебных книг	240
<i>Томачинский В. В.</i> Синтез вместо хаоса. “Выбранные места из переписки с друзьями” как стилистическая программа Гоголя	250
<i>Криничная Н. А.</i> “И все травы пред ним расступаются...” (к интерпретации образа Пантелеймона-целителя в стихотворении А. К. Толстого)	276
<i>Есаулова Е. Н.</i> Народное религиозное сознание в “Грозе” А. Н. Островского	286
<i>Жилякова Э. М.</i> Евангельские истоки скорбной сатиры М. Е. Салтыкова-Щедрина	297
<i>Сузи В. Н.</i> Христос в поэзии Ф. И. Тютчева	309
<i>Черепанова Н. В.</i> Этнопоэтические аспекты перевода драмы Ф. Шиллера “Дон Карлос” М. М. Достоевским	328
<i>Владимирцев В. П.</i> “Сибирская тетрадь” Ф. М. Достоевского: христианский – культурный и речевой – слой	337
<i>Иванов В. В.</i> О евангельском смысле метафоры сна в оде А. С. Пушкина “Пророк” и романах Ф. М. Достоевского “Преступление и Наказание” и “Идиот”	346
<i>Шилова Н. Л.</i> Достоевский и проблема интерпретации “Египетских ночей” Пушкина	360
<i>Тарасова Н. А.</i> “Абадонны, от земли отставшие”: непрочитанная запись Достоевского	368
<i>Янг С.</i> Библейские архетипы в романе Ф. М. Достоевского “Идиот”	382

Н. А. ТАРАСОВА

Петрозаводский государственный университет

“АБАДОННЫ, ОТ ЗЕМЛИ ОТСТАВШИЕ”: НЕПРОЧИТАННАЯ ЗАПИСЬ ДОСТОЕВСКОГО

В 1957 году, когда вышло в свет “Описание рукописей Ф. М. Достоевского”, во вступительной статье к этому изданию В. С. Нечаева указала на то обстоятельство, что “составители описания, производя сопоставление автографов с имеющимися публикациями, обнаружили многочисленные неточности, иногда даже искажения текста в печати”¹. Проблема неточного воспроизведения рукописного текста, видимо, будет существовать всегда: слишком много трудностей связано с чтением и пониманием рукописей, особенно если вести речь о черновиках. Настоящая работа содержит ряд замечаний, касающихся уточнения фрагмента записной тетради Достоевского 1864–1866 гг.² Материалы указанной записной тетради были опубликованы частью в серии “Литературное наследство”, частью – в академическом собрании сочинений Ф. М. Достоевского³. Обратимся к отрывку, расположенному на с. 73 рукописи (тетрадь пронумерована дважды; в обратной нумерации – с. 76). В публикации “Литературного наследства” интересующая нас запись воспроизводится следующим образом: “Это остатки прежнего либерализма, имевшего свой исторический склад, но совершенно отжившего и присутствующего еще в огромной массе отживших людей, ходячих трупов, свободных от земли, отставших и никуда не приставших, которые пред-

© Тарасова Н. А., 2001

¹ Нечаева В. С. Рукописное наследие Ф. М. Достоевского // Описание рукописей Ф. М. Достоевского / Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1957. С. 18.

² Рукопись хранится в РГАЛИ, ф. 212. 1. 3. Автор статьи благодарит сотрудников РГАЛИ и РО РГБ за предоставленные материалы.

³ Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860–1881 гг. М., 1971. С. 201–242 (Литературное наследство; Т. 83); Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1972–1990. Т. 7. С. 96–118; Т. 20. С. 179–188.

ставляют из себя вялое, пошлое поколение наших шатающихся даром лишних людей. Теперь наступают совсем другие идеи, идеи почвы, единства, неразрыв<ной> связь сделать с народом”⁴. В этом прочтении текста настораживают два фрагмента: “ходячих трупов, свободных от земли, отставших и никуда не приставших” и “идеи почвы, единства, неразрыв<ной> связь сделать с народом”. Первое, что вызывает сомнение, – это слово “свободных”: в рукописи оно не прочитывается графологически, т. е. то слово, которое в действительности написал Достоевский, лишь слегка напоминает по общему начертанию слово “свободных”. Кроме того, достаточно странно звучит само сочетание “свободных от земли, отставших и никуда не приставших”: причастие “отставших” предполагает использование определенной синтаксической связи – управления (от чего отставших?); к тому же после слова “земли” в рукописи нет запятой, что не отражено в печатных публикациях. Этот факт тоже не прибавляет ясности данному прочтению записи.

Это остатки прежнего либерализма, имевшего свой исторический склад, но совершенно отжившего и присутствующего еще в огромной массе отживших людей, ходячих трупов, свободных от земли, отставших и никуда не приставших, которые пред-

Более поздняя публикация академического собрания сочинений Достоевского, повторяя вариант “Литературного наследства” в случае с первым сомнительным отрезком текста (“ходячих трупов, свободных от земли, отставших и никуда не приставших”), уже фиксирует наличие затруднений в прочтении второго отрывка: “идеи почвы и <нрзб.> в неразрывности с идеей <нрзб.> с нар<одом>”⁵. Попробуем воспроизвести текст подлинника, учитывая не только характеристики почерка Достоевского, но и особенности так называемой “старой орфографии” и “интонационной” пунктуации XIX века: “Это остатки прежнего либерализма, имевшего свой исторический <ий> склад, но совершенно отжившего и присутствующего /еще/⁶ въ огромной массѣ от-

⁴ Неизданный Достоевский. С. 210.

⁵ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 20. С. 187.

⁶ /.../ – знак вставки вписанного текста.

живших людей, ходячихъ труповъ, *Абадоннь* /отъ/ земли отставшихъ и никуда не приставшихъ, которые представляють изъ себя вялое, пошлое поколѣние нашихъ шатающихся /даромъ/ лишнихъ людей. Теперь наступаютъ совсѣмъ другія идеи. /идеи почвы и земства, неразрывности съ цѣлымъ, единства съ нар<одомъ>/ (курсив мой. – Н. Т.).

Вместо “свободных” в рукописном тексте оказалось слово “Абадоннь”. Следует сказать, что причастные обороты писатель выделял запятыми сравнительно редко и конструкция без знаков препинания, такая как: “Абадоннь отъ земли отставшихъ и никуда не приставшихъ”, – довольно типична для Достоевского. Ошибочное прочтение “свободных” вместо “Абадоннь” объясняется спецификой самого процесса чтения. Б. В. Томашевский, анализируя трудности, связанные с публикацией печатного текста, указывал, что в ряде случаев “есть опасность угадать (по общему рисунку. – Н. Т.) не то слово, которое напечатано. Это приводит к обычной подстановке слов более знакомых, скорее приходящих на память вместо менее знакомых или вовсе не знакомых, при условии, что общее начертание слов сходно”⁷. Позднее Д. С. Лихачев отмечал то же самое, но уже в отношении к древнему рукописному тексту и к работе переписчиков: “Как правило, переписчик принимает трудное, малознакомое, редкое, устарелое слово за легкое, знакомое, часто употребляющееся, новое. Поэтому, восстанавливая правильное чтение, текстолог обычно идет от легкого чтения к трудному, от знакомого для писца к малознакомому ему или незнакомому, от обычного к необычному”⁸. Этот принцип действителен и для рукописей XIX века, в том числе и для рукописных текстов Достоевского. Слово “Абадоннь”, конечно, менее частотно, чем слово “свободных”, и в то же время в данной записи оно по общему графическому рисунку немного напоминает слово “свободных”, поэтому ошибка прочтения в этом случае была вполне возможна. Что касается второго отрывка рукописи: “идеи почвы и земства, неразрывности съ цѣлымъ, единства съ народомъ”, – то затруднения публикаторов объясняются, видимо, тем, что данная фраза была Достоевским вписана между строками основного текста: почерк в таких случаях

⁷ Томашевский Б. В. Писатель и книга: Очерк текстологии. М., 1959. С. 40.

⁸ Лихачев Д. С. Текстология: Краткий очерк. М.; Л., 1964. С. 26.

зачастую становится мелким и менее разборчивым, и, как следствие, возникают трудности прочтения.

Если говорить о происхождении образа Абадонны, то прежде всего необходимо обращение к тексту Священного Писания, ибо Абадонна – это “светский” вариант библейского Аваддона. Как подчеркивается в “Полном православном богословском энциклопедическом словаре”, слово “Аваддон”, означающее по-еврейски “разрушение, гибель, смерть”, встречается “в нескольких местах ветхозаветных книг и в Апокалипсисе, но не с одинаковым значением. В Ветхом Завете (например, Иов. 26:6; Притч. 15:11) этим словом обозначается место смерти и гибели, царство мертвых, ад, шеол. В Апокалипсисе же Аваддоном называется ангел бездны, царь адской саранчи, под которым древние толковники разумели сатану”⁹. Сам библейский текст не дает оснований для отождествления Аваддона с сатаной, но параллель с преисподней и смертью, очевидно, справедлива: “Преисподняя обнажена пред Ним, и нет покрывала Аваддону” (Иов. 26:6); “Аваддон и смерть говорят: «ушами нашими слышали мы слух о ней»” (Иов. 28:22); “Преисподняя и Аваддон открыты пред Господом, тем более сердца сынов человеческих” (Притч. 15:11); “Царем над собою она имела ангела бездны; имя ему по-еврейски Аваддон, а по-гречески Аполлион (губитель)” (Апок. 9:11).

Образ Аваддона был воспринят русской литературной традицией. К его разработке обращались В. А. Жуковский, Н. А. Полевой, А. Ф. Писемский, А. А. Фет, М. А. Булгаков. В стихотворении Жуковского “Абадона” (1814), представляющем перевод отрывка поэмы Ф.-Г. Клопштока “Мессиада”, библейский образ “вестника смерти” претерпевает эволюцию в духе поэтики романтизма – перед нами уже

⁹ Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1992. Стб. 18–19. См. также: Православная богословская энциклопедия. Т. 1. Пг., 1900. Стб. 83; Еврейская энциклопедия: Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. Т. 1. СПб., 1991. Стб. 40; Православный библейский словарь. СПб., 1997. С. 2; Большой путеводитель по Библии. М., 1993. С. 9; Полный церковнославянский словарь. М., 1993. С. 2; Мифы народов мира. Т. 1. М., 1987. С. 23; Nelson’s Complete Concordance of the Revised Standard Version Bible. New York, 1957. P. 5; The Interpreter’s Dictionary of the Bible: An Illustrated Encyclopedia. New York, 1962. Vol. 1. P. 3; Dictionary of the New Testament. San Francisco, 1980. P. 81; The Oxford Companion to the Bible. New York; Oxford, 1993. P. 3.

не “ангел бездны”, символизирующий смерть, а “падший ангел”:

Сумрачен, тих, одинок на ступенях подземного трона
Зрелся от всех удален серафим Аббадона¹⁰.

Между тем образ “падшего ангела” соотносится также с персонажем античной мифологии: Люцифер (лат. Lucifer), или Фосфор (греч. Φωσφορος), что в переводе на русский язык означает “несущий свет”, – это “сын титанида Астрея и богини Эос”, а также “название утренней звезды”¹¹. Однако, если античный Люцифер в буквальном смысле воплощает *светлое* начало, то в библейском контексте, в связи с мотивом грехопадения, возникает иная семантика образа “падшего ангела”. В Книге пророка Исаии царь Вавилона уподобляется ангелу, низвергнутому в ад в наказание за грех гордыни: “Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своем: «взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горé в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему». Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней” (Ис. 14:12–15). В Евангелии от Луки “падший ангел” отождествлен с сатаной: “Он же сказал им: Я видел сатану, спавшего с неба, как молнию” (Лк. 10:18).

Жуковский в своем переосмыслении библейской тематики предлагает весьма свободную трактовку образа “падшего ангела”. Во-первых, герой Жуковского получает имя Аббадоны, а не Люцифера. Во-вторых, Аббадона противопоставляется и сатане, и Богу: в соответствии с романтическим канонами, Аббадона представлен как “помраченный, отверженный, сирый изгнанник”, поддавшийся дьявольскому искушению и восставший против Создателя, тоскующий и ищущий покаяния, но обреченный на вечное одиночество и изгнание. Как было отмечено, в истолковании образа Аббадоны Жуковский опирался на поэму немецкого романтика Ф.-Г. Клопштока “Мессиада” (1751–1773). Жуковский сделал стихотворный перевод отрывка второй песни “Мессиады”, близкий к оригиналу и стилистически, и в сю-

¹⁰ Жуковский В. А. Полное собрание сочинений: В 2 т. Т. 1. СПб., 1902. С. 70.

¹¹ Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 36. СПб., 1902. С. 390.

жетном отношении¹². Но следует подчеркнуть, что для перевода поэт избрал эпизод, акцентирующий мотив грехопадения и невозможности искупления греха и подчеркивающий трагическую обреченность героя. У Клопштока же, в финальной части поэмы, “падший ангел” возвращается к небесному престолу, обретает прощение и преобразуется.

Родственное Жуковскому понимание образа содержится в повести “Аббадонна” Н. А. Полевого (1834). Герой Полевого, Вильгельм Рейхенбах, – поэт, не выдержавший искушения славой и светским успехом. Повесть завершается встречей Вильгельма с матерью, и именно в этой кульминационной сцене цитируется “Аббадона” Жуковского и раскрывается тема “невозможности возвращения к добру, когда мы погубили себя пороком и преступлением”¹³. Следует сказать, однако, что Полевой обозначает различие между “падшим ангелом” и “падшим человеком”, оставляя человеку “неумирающую надежду” на “мудрость и милосердие Божие”¹⁴. Последнее свидетельствует о том, что Полевой соотносил стихотворный перевод Жуковского с общим контекстом “Мессиады” Клопштока.

Образ Аббадоны упоминается также в романе А. Ф. Писемского “Масоны” (1880). Один из героев романа, Егор Егорыч Марфин, признаваясь в любви героине, с пафосом восклицает:

...углубляясь ежедневно в самые затаенные изгибы моего сердца, я усматриваю ясно, что, по воле провидения, получил вместе с греховной природой человека – страсть Аббадоны – гордость!¹⁵

Приведенный контекст указывает на использование Писемским романтического сюжета о “падшем ангеле”, в котором гордость истолковывалась как грех, повлекший богоборчество. В то же время в “Масонах” происходит “снижение” романтической тематики. Племянник Егора Егорыча, некто Ченцов, узнает о любовном признании Марфина и в беседе с Людмилой саркастически замечает:

Но вы, однако, обратите внимание на бесценные выражения вашего обожателя! <...> Выражение такого рода, что ему да-

¹² См.: Klopstock F.-G. Der Messias. Т. 1. Halle, 1751. S. 57–65; ср. также: Мессия. Поэма, сочинение г-на Клопштока / Пер. с нем. <А. Кузова>. Т. 1. М., 1820. С. 109–125.

¹³ Полевой Н. Аббадонна: В 2 т. Т. 2. СПб., 1840. С. 190.

¹⁴ Там же. С. 197.

¹⁵ Писемский А. Ф. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 8. М., 1959. С. 28.

на, по воле провидения, страсть Аббадоны!.. Ах, черт возьми, этакий плюгавец – со страстью Аббадоны!.. Что он чаёт и жаждет получить урок смирения!.. Прекрасно!.. Отказывать ему в этом грешно!.. Дайте ему этот урок, и хорошенький!.. Терпите, мол, дедушка; терпели же вы до пятидесяти лет, что всем женщинам были противны, – потерпите же и до смерти: тем угодно вы господу богу будете...¹⁶

Новозаветный образ Аваддона встречается у А. А. Фета. Стихотворение “Аваддон” (1883) представляет собою поэтическое переложение и контаминацию всей 4-й и начала 9-й глав Апокалипсиса. В Апокалипсисе Аваддон, или “ангел бездны”, актуализирует мотив “суда” и “возмездия за грехи”: саранча, вышедшая из кладезя бездны, призвана мучить людей, “которые не имеют печати Божией на челах своих” (Апок. 9:4). У Фета, несмотря на почти дословное воспроизведение многих характеристик из указанных глав Апокалипсиса, появление Аваддона связывается не с “возмездием”, а с “испытанием”:

Медными крыльями грозно стуча,
Вышла из дыма с коня саранча.
Львиные зубы, коса как у жен,
Хвост скорпионовым жалом снабжен.
Царь ее гордой сияет красотой:
То – Аваддон, ангел бездны земной.
Будут терзать вас, и жалить, – и вот
Смерть призовете, и смерть не придет:
Пусть же изведает всякая плоть,
Что испытания хочет Господы!¹⁷

Тот факт, что Фет обращается к новозаветному образу, минуя романтическую традицию, подчеркивается также сохранением самой формы библейского имени “Аваддон”. Среди русских писателей и поэтов более употребительным было имя “Абадонна” (в различных вариантах транслитерации: Аббадона, Аббадонна, Абадонна, – из которых к XX в. утвердился последний). Форма “Абадонна” и перечисленные варианты отражают так называемое “эразмово” произношение (Abaddon; ср. с древнегреч. Ἄβαδδών), что в свою очередь говорит о влиянии западноевропейского источника на русских авторов. Прежде всего, это Ф. - Г. Клопшток с его

¹⁶ Там же. С. 41–42.

¹⁷ Фет А. А. Полное собрание стихотворений: В 2 т. Т. 1. СПб., 1912. С. 71.

романтической поэмой “Мессиада”. Русские романтики восприняли форму написания имени, которая впоследствии стала традиционной не только для них, и, подобно Клопштоку, включили образ Аваддона в сюжет о “падшем ангеле”, развивающий актуальные для романтизма темы грехопадения и преступления, одиночества и изгнания.

Орфографические варианты “Аббадона”, “Аббадонна”, “Абадонна” представляют интерес для истории языка. Комментируя эти формы написания, следует учитывать, что в XIX веке было иное, чем сейчас, отношение к норме правописания. По утверждению Л. А. Булаховского, литературная норма первой половины XIX столетия “допускала и в теории, и в практике очень значительные расхождения между школьными авторитетами и, еще больше, между писателями”¹⁸. Данное высказывание актуально и для истории русского языка второй половины XIX века. Из-за отсутствия жесткой кодифицированности литературной нормы большее распространение имела орфографическая вариантность. Вариантность заимствований, как правило, отражала особенности и степень адаптации иноязычного слова: на образование некоторых вариантных форм влияло произношение заимствования в русском языке (“эффект”), другие варианты, согласно принципу транслитерации, воспроизводили написание слова в языке-источнике (“интригант” – от фр. *intrigant*), в ряде случаев вариант свидетельствовал, с одной стороны, о приспособлении заимствования в русском языке (“проект”), а с другой – об осознании пишущим иноязычной природы слова (“проэкт”). В употреблении некоторых заимствований допускались малообъяснимые отступления от исходного, этимологически верного начертания. Так, в статье Достоевского “Г. – бов и вопрос об искусстве” (Время. 1861. № 2. Отд. II. С. 165–205) неоднократно встречается ненормированное написание “Иллиада”. Удвоенное “л” в этой форме этимологически не оправдано, так как древнегреческий язык не дает оснований для возникновения такого варианта транслитерации в русском языке. И все же именно такое начертание находим и в других периодических изданиях XIX века¹⁹. Так же и формы “Аб-

¹⁸ Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. М., 1954. С. 46.

¹⁹ См., к примеру: Сын Отечества. 1860. 15 мая. № 20. С. 586–587; Русский инвалид. 1860. 16 декабря. № 273. С. 1048. Подробно об орфографической вариантности в текстах Достоевского см.: Тарасова Н.

бадона", "Аббадонна", "Абадонна" не являются точными с точки зрения этимологии. Вариант "Аббадона" отражает написание данного имени в поэме Клопштока ("Abbadona"); довольно громоздкая, а потому имевшая самые малые шансы на закрепление в русском языке форма "Аббадонна" представляет собой соединение написаний "Abaddon" и "Abbadona" с добавлением удвоенного "н"; вариант "Абадонна" иллюстрирует стремление языка к упрощению сложных начертаний, к скорейшему освоению заимствования, на это же указывает двойное "н", отражающее специфику произношения данного имени в русском языке.

Что касается образа Абадонны у М. А. Булгакова, то надо сказать, что облик и "род занятий" булгаковского героя в большей степени соответствуют этимологии самого имени "Абадонна" и восстанавливают ветхозаветное значение образа. В романе "Мастер и Маргарита" (1929–1940) Абадонна изображен "бледным", "худым человеком в темных очках", который никогда не появляется "преждевременно" и которому нельзя "до срока" заглядывать в глаза²⁰, – в сущности, это само воплощение смерти. В "Белой гвардии" (1925) писатель использует данный образ, придавая ему апокалиптическое звучание: один из персонажей романа сравнивает большевиков с "полчищами аггелов", которые идут на город, погрязший в грехе, а Троцкого, "предводителя «аггелов»", называет Аваддоном: "А настоящее его имя по-еврейски Аваддон, а по-гречески Аполлион, что значит губитель"²¹.

Возвращаясь к Достоевскому, отметим, что в Новом Завете, подаренном писателю в 1850 году в Тобольске женами декабристов, имеется помета возле того места в Апокалипсисе, где говорится об Аваддоне²², – следовательно, еще в годы пребывания на каторге Достоевский обратил внимание на этот образ. Слово "Абадонна" встречается также в романе "Униженные и Оскорбленные" (созданном Достоевским в 1860–1861 гг.). В главе VI первой части упоминается "Аббадонна" Н. А. Полевого. Достоевский, вы-

Препамбула к вариантам // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: Канонические тексты / Под ред. В. Н. Захарова. Т. III. Петрозаводск, 1997. С. 693–705; Т. IV. Петрозаводск, 2000. С. 739–753.

²⁰ Булгаков М. А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5. М., 1990. С. 251, 252.

²¹ Там же. Т. 1. С. 416.

²² РГБ, ф. 93. I. 5в. 1, с. 596.

страивая диалог между героями, пародирует романтические представления о поэте, как о творце "для немногих", наделенном исключительным даром и необыкновенной внешностью. Когда Иван Петрович прочел свой роман семейства Ихменевых, старик Ихменев заметил:

...только знаешь, Ваня, смотрю я на тебя: какой-то ты у нас совсем простой... <...> у тебя какое-то этак лицо... то есть совсем как будто не поэтическое... Этак, знаешь, бледные они, говорят, бывают, поэты-то, ну и с волосами такими, и в глазах этак что-то... Знаешь, там Гете какой-нибудь или проч. ...я это в "Аббадонне" читал...²³

"Аббадонна" Полевого упоминается также в черновом автографе к апрельскому выпуску "Дневника писателя" 1876 г., содержащему полемику Достоевского с критиком журнала "Русский Вестник" В. Г. Авсеенко²⁴. Возражая против идеи поклонения народным идеалам, высказанной Достоевским в февральском выпуске "Дневника", В. Г. Авсеенко утверждал, в духе западных представлений о народе, что "самое поклонение народным идеалам было у нас продуктом усвоенной европейской культуры"²⁵. В ответ на эти критические замечания Достоевский обращается к роману В. Г. Авсеенко "Млечный путь", начало которого было опубликовано в "Русском Вестнике" в октябре–декабре 1875 г. В окончательном тексте апрельского выпуска "Дневника писателя" Достоевский подчеркивает, что В. Г. Авсеенко интересуется его не как критик, а как "отдельное и любопытное литературное явление"²⁶. Роман "Млечный путь", по мнению Достоевского, позволяет разъяснить "весь тип писателя Авсеенко", который представляет собой "деятеля, потерявшего себя на обожании высшего света": "он пал ниц и обожает перчатки, кареты, духи, помаду, шелковые платья <...> Я слышал (не знаю, может быть, в насмешку), что этот роман предпринят с тем, чтоб поправить Льва Толстого, который слишком объективно отнесся к высшему свету в своей «Анне Карениной», тогда как надо было отнес-

²³ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 3. С. 190.

²⁴ О полемике подробнее см.: Рак В. Д. Примечания // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 22. С. 370–377.

²⁵ А. <В. Г. Авсеенко> Опять о народности и о культурных типах // Русский Вестник. 1876. Март. С. 375.

²⁶ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 22. С. 107.

тись молитвеннее, коленопреклоненнее...”²⁷. В черновом автографе апрельского выпуска есть добавление: “Понятие о княжеских нравах изъ временъ «Аббадонны», романа 30Х годовъ Николая Полевого”²⁸. Здесь имеются в виду не особенности раскрытия образа Аббадонны в повести Полевого, а само произведение²⁹ и его стилистические характеристики, в частности, высокопарность слога в описаниях “высшего света”. Сравнение В. Г. Авсеенко с Полевым (а в печатном тексте “Дневника” антитеза с Л. Толстым), достаточно снисходительная оценка художественных опытов В. Г. Авсеенко, наконец, акцент на “молитвенности” его стиля описания высшего общества, несомненно, имели целью обнаружить фальшь, необъективность, теоретизм, а следовательно, “беспочвенность” и неистинность рассуждений В. Г. Авсеенко о русском народе. В окончательном тексте “Дневника” Достоевский замечает: “Оказывается ведь, что в каретах-то, в помаде-то и в особенностях в том, как лакеи встречают барыню, – критик Авсеенко и видит всю задачу культуры, всё достижение цели, всё завершение двухсот-летнего периода нашего разврата и наших страданий, и видит совсем не смеясь, а любуясь этим”³⁰.

Отмеченные ссылки на “Аббадонну” Полевого показывают, что Достоевскому был известен характер истолкования образа Аббадонны романтиками. Но самый факт подачи образа в ироническом свете в “Униженных и Оскорбленных” и упоминание повести Полевого в контексте полемики с западным учением в “Дневнике писателя” 1876 г. подчеркивают степень расхождения Достоевского с романтической традицией в 60-е и, тем более, в 70-е годы. Это же подтверждает и наш рукописный фрагмент, где имя “Абадонна” сохранило лишь внешнюю форму, привнесенную романтиками. Что же касается его внутреннего содержания, то в записи Достоевского слово “Абадонна” обретает первоначальную ветхозаветную семантику “смерти”. В интересующем нас рукописном отрывке “Абадонна” метафорически оттеняет и усиливает значение предыдущих сочетаний “отжившие люди” и “ходячие трупы”: “въ огромной массѣ отжившихъ

²⁷ Там же.

²⁸ РГБ, ф. 93. I. 2. 10, с. 56 (в нумерации Достоевского: Листъ 6).

²⁹ В связи с чем в черновом автографе Достоевского точно воспроизводится и начертание имени “Аббадонна” – так, как оно представлено в названии и тексте повести Полевого.

³⁰ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 22. С. 107.

людей, ходячихъ труповъ, Абадоннъ /отъ/ земли отставшихъ”. Однако и значение “смерти” в данном случае приобретает дополнительное, “достоевский”, оттенок звучания.

Обратимся ко второй части записи, в которой содержится принципиально важное для Достоевского понятие “земства”, не воспринятое печатными публикациями текста рукописи: “идеи почвы и земства, неразрывности съ цѣлымъ, единства съ народомъ”. В статье “Два лагеря теоретиков” Достоевский называет вопрос о земстве “жизненным” и указывает, что русское земство “было одним из главных заправляющих начал нашей жизни”³¹. Подобные мысли высказаны в статье “Дворянство и земство”, которая была опубликована в следующем (3-м) номере журнала “Время” за 1862 год. Вопрос об авторстве данной работы по сей день остается спорным, но, как указывается в комментарии к 27-му тому академического собрания сочинений Достоевского, в статье “наиболее подробно сформулирована общая позиция редакции «Времени» по крестьянскому вопросу”³². “Земля”, как подчеркивается в статье “Дворянство и земство”, “была главным собирательным понятием, в котором по сознанию русского человека объединялся весь народ с его обычаями, нравами, с его общественным устройством”³³. “Земле” и общинному землевладению противополжен сословный быт, который разделил людей на высших и низших и в основе которого “всегда лежит рабство личности”³⁴. Дворянство, по мнению автора статьи, является “горстью людей без крепкой взаимной связи”, и лишь “соединение с народом и может дать им (дворянам. – Н. Т.) связь, соединив в одно более широкими земскими началами и дав им точку опоры в самом земстве”³⁵. Следует подчеркнуть, что “земство” в интерпретации Достоевского имеет мало сходства с реальным определением земства как исторически сложившегося государственного института. “Земство” Достоевского – это идеальная категория, образное обозначение русского народа. Интерес к теме “земства” писатель сохранил и в 70-е годы, причем наиболее подроб-

³¹ Достоевский Ф. М. Два лагеря теоретиков (по поводу “Дня” и кой-чего другого) // Время. 1862. Февраль. С. 143.

³² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 27. С. 177.

³³ Дворянство и земство // Время. 1862. Март. С. 11.

³⁴ Там же. С. 21.

³⁵ Там же. С. 27.

но Достоевский высказался на эту тему именно в “Дневнике писателя” 1876 г., через два месяца после полемики с В. Г. Авсеенко, в выпуске за июль–август (глава 4, главка 4 “Земля и дети”): “...у нас есть и до сих пор уцелел в народе один принцип и именно тот, что земля для него *всё*, и что он всё выводит из земли и от земли, и это даже в огромном еще большинстве. <...> земля у него прежде всего, в основании всего, земля – всё, а уж из земли у него и всё остальное, то есть и свобода, и жизнь, и честь, и семья, и детишки, и порядок, и церковь – одним словом, всё, что есть драгоценного”³⁶. Земля, таким образом, воспринимается как первооснова, порождающая самое устройство народной жизни и формирующая народные традиции³⁷. Напомним, что записям Достоевского 60-х гг. присуще противопоставление теории и жизни, сословного (разделяющего на высших и низших) и земского, объединяющего, начал, в связи с чем краткая формула “Абадонны, от земли отставшие” становится символом, характеризующим состояние современного Достоевскому общества. Очевидно, что под “Абадоннами”, “отжившими” и “лишними людьми”, Достоевский подразумевал дворянское сословие, утратившее связь с народом и живущее “на воздухе, в совершенном одиночестве и без всякой опоры на почву”³⁸ либеральными затеями и мертвыми теориями. Достоевский употребляет имя в форме множественного числа (“Абадоннъ”), что подчеркивает собирательность понятия и символичность самого явления,

³⁶ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 23. С. 98–99. Ср. также: Т. 25. С. 138.

³⁷ Думается, наиболее точное понимание семантики “земли” у Достоевского предложено В. А. Тунимановым (*Туниманов В. А. Достоевский и Глеб Успенский // Достоевский: Материалы и исследования. Вып. 1. Л., 1974. С. 37–39*). Следует отметить также наличие сходства в трактовке понятий “земля” и “земство” у славянофилов и Достоевского. В частности, близкое Достоевскому истолкование понятия “земля” содержится в историософских работах К. С. Аксакова (*Аксаков К. С. Полное собрание сочинений. Т. 1. Сочинения исторические. М., 1889. С. 12–13, 19–23, 61–62*) и А. С. Хомякова (*Хомяков А. С. Сочинения. Т. 1. Работы по историософии. М., 1994. С. 52–53, 77, 89–90, 98–101*). См. также: *Осват А. Л. Достоевский и раннее славянофильство (1840-е годы) // Достоевский: Материалы и исследования. Вып. 2. Л., 1976. С. 175–181.*

³⁸ Достоевский Ф. М. <Объявление о подписке на журнал “Время” 1863 г.> Подписка на 1863 год. Время. Журнал литературный и политический, издаваемый М. Достоевским // *Время. 1862. Сентябрь. С. 4.*

обозначенного этим именем. Тема “Абадонн” в контексте почвеннических идей писателя актуальна не только для публицистики, но и для художественных произведений Достоевского, где “мертвые” и “шатающиеся даром” герои характеризуются прежде всего отсутствием *нравственной* основы в их жизни, а ведь именно нравственный идеал, “естественные, родовые основания русского характера и обычая, что спасены в почве и народе”³⁹, являются центром почвеннического учения Достоевского: “вернуться на почву” – значит “нравственно <...> соединиться с народом вполне и как можно крепче”⁴⁰.

На основе осуществленного анализа фрагмента третьей записной тетради Достоевского 1864–1866 гг. можно сделать следующие выводы:

1. Запись об “Абадоннах, от земли отставших” и о “новых идеях почвы и земства” в сжатом, конспективном виде выражает сущность почвеннической концепции Достоевского.

2. Сопоставление указанной записи с более поздними рукописными материалами выявляет органическую связь публицистических записей Достоевского 60-х гг. с “Дневником писателя”. Идеи, кратко сформулированные в рассмотренном нами черновом наброске, особенно отчетливо прозвучали в “Дневнике писателя” 1876 г.

3. Научная новизна выполненного исследования заключается в возможности предложить читателю восстановленный полностью текст записи Достоевского. Более точное и полное прочтение записи позволяет сделать необходимый (но по понятным причинам не сделанный ранее) комментарий к данному тексту, представляющий новый материал как для текстологов, так и для специалистов, занимающихся поэтикой русской литературы и творчеством Достоевского.

³⁹ Там же. С. 6.

⁴⁰ Там же. С. 5.